

Антошина беда

Пала ночь на город... Звезды не спят, ветер по кустам бродит, а солдатам в мирное время в ночную пору спать полагается. Спит весь полк, кроме тех, кто в карауле да по дневальству занят. Собрались солдатские Ангелы-Хранители в городском саду, за старым валом. Подначальники ихние, по койкам свернувшись, глаза завели, — не сидеть же до белой зари у изголовьев ихних... Ходят Ангелы по дорожкам, мирно беседуют, — лунный свет сквозь них насквозь мреет, будто и нет никого. Только крыло, словно парус хрустальный, кое-где над кустом загорится — и опять в темных кустах погаснет.

Каждый Ангел со своим солдатом схож, — который солдат в плечах широк, лицом ядрен, — и Ангел у него бравый; который замухрышка незадачливый, — Ангел у него тихонький, уточкой переступает, виду у него настоящего нет... Однако все между собой в светлом согласии, в ладу, — не по ранжиру же им, Ангелам, равняться, звание не такое.

Все боле поротно они собирались, кругами. Потому каждый своей частью интересуется, все солдатики своей роты до донышка им известны, — беда ли какая, либо заминка, совместно обсудят, авось чего и придумают.

Шестой роты Ангелы коло пруда расположились. Ангела первовзводного командира обступили, ласково ему выговаривают: что-де твой воин-унтер разбушевался, — спокойя от него нет, молодых солдат сверх пропорции жучит... Какой-де овод укусил? Начальник был справедливый, а теперь — будто козел на бочку, так на всех дуром и наскакивает.

Смутился Ангел, поясок шелковый подергивает. "Эх, братцы, и самому мне обидно. Письмо он с деревни получил, — невеста евонная за волостного писаря замуж вышла, — вот он с досады и озорует. Уж я его как-никак успокою... Свое горе сам и перетерпи, на подчиненных не перекладывай..."

Про инспекторский смотр поговорили, — кажись, в роте все исправно, без боя, без крика репертички идут... Сойдет гладко, солдатам облегчение. Помолчали Ангелы, стали камушки в лунный пруд метать. С чего же им печалиться: войны не предвидится, в роте штрафованных нет, каждый солдат себя соблюдает, — кажись, у Ангелов-Хранителей и забот-то никаких нет.

Затянул было с правого фланга светлокрылый один любимую их солдатскую:

Ранным рано на рассвете

Господь солнышко послал,

Чтоб на ротное ученье

Солдат жаворонком встал...

Подхватили Ангелы бестелесными соловьиными голосами, — от ясного дыхания рябь по пруду прошла. Прижались друг к дружке для угрева, покачиваются. Ан тут кой-то из них и спрашивает:

— А что ж это Антошкиного голоса не слышать? Он всех знаменитей поет, куда ж он сподевался? Кажись, солдат его не в наряде...

Переглянулись они справа-налево, — нет Антоши. А звали они так Ангела одного Хранителя, — потому имена у них каждому по своему солдату идут.

Туда-сюда глянули, на легкие ножки встали: нет Ангела и следа, будто облако, растаял.

Бросились они по кустам, видят, поодаль, у самой воды, сидит под лозой Антоша, плечики у него вздрагивают, крылами лицо прикрыл, навзрыд рыдает.

— Что с тобой, лебедь? Кажись, твой и здоров и не на замечанье... С чего плачешь-то, ангельский лик свой туманишь?

— Ах, братцы, беда... Поди сами знаете, — мой-от в роте всех тише, всех безответнее... В иноки б ему, а не в солдаты... Портняжил он все между делом, по малости. То вольноопределяющему шинельку пригонит, то подпрапорщику шароварки сошьет... То да се, — десять целковых и набежало... Хотел матери убогой к празднику послать. Старушка в слободе под Уманью живет, только тем и дышит, что от сына ей кой-когда перепадает. Ан вот сегодня и прилучилось; скрали у моего солдата всю выручку, и звания не осталось...

Всполошились тут Ангелы, кругом обступили, крылами, как ласточки в грозу, так и шелестят...

— Да кто ж у него мог скрасть, милая ты душа, когда он из роты-то и не отлучался? Что говоришь-то, подумай... Опустил Ангел еще ниже голову, тихо ответ подает:

— В роте и скрали. Простите на горьком слове, — да что же и скрывать-то...

Насупились Хранители, друг на дружку и не взглянут. Кто же взять-то мог? Нет у них в роте такой темной души, чтобы у своего брата-солдата воровским манером последнее огребать.

Спрашивает тут первовзводного командира Ангел:

— Доложил твой, что ль, по начальству? Антошин Ангел резонно ему докладывает:

— Не таковский мой, чтобы жалиться... Да еще перед самым смотром катавасию заводить. Что ж срамоту на шест вывешивать. Шестая наша рота, как орешек, ужели мы же ее под каблук... Честь не десять целковых стоит, а ежели бы на кого мой солдатик подозрение и имел, уши бы себе заткнул, рот завязал. Я от вас со своим огорчением в сторонку деликатно ушел, а вы меня сами нашли, да распатронули...

Ведь вот какой Ангел понимающий оказался.

Разошлись крылатые кто куда. Луна за облако скрылась, кусты вурдалаками принахмурились... Отличилась шестая рота, что и говорить...

Выступает тут из-за темного дуба чернявый Ангелок, из себя не ахти какой, щуплый да хмурый. Коло Антоши наземь сел, к плечу его прикоснулся:

— Не кручинься, голубь. Узел крепко завязан, да авось я развяжу. Деньги-то ведь мой скрал, — Брудастый... Антоша так на него крылами и замахал:

— Что ты, что ты! Ветер слышал, ночь унесла... Снежок подпал и следок застлал. Чего же зря расковыриваешь? Однако ж, Ангелок свою ниточку разматывает:

— Хочешь не хочешь, а я этого дела так не оставлю. Тебя мне и ненадобно. Сраму и на воробьиный клюв не будет... Только ты мне своего чистого покрепче усыпи, пока я дуботолка моего в смягчение приведу... Тоже и я препорученную мне черную душу выполоскать-то должен.

Так строго сказал, что встал Антошин Ангел, низко чернявому поклонился и со смирением ручки скрестил.

— Делай, что хочешь. А уж мой до зари камушком пролежит...

Не спит Брудастый. На локоть облокотился, все на Антошку посматривает, что супротив на койке в носовую жилейку высвистывал, — в печени у него, Брудастого, так и саднит.

— Ишь, дрыхнет, - будто и не у него украли... Дите стоеросовое. А тут сдуру в чужой сундучок раскатился, — благо, открыт был. Вот теперь сам себя на вертеле и поворачивай. И зачем крал, бес его кривой знает! Ни светило, ни горело, да вдруг и припекло... Попросить у Антошки, как следовало, — он тебе рубашку последнюю с крестом отдаст, лампадная душа... Не пожалился ведь никому, Чистоплюй Иванович. Молчан-травку проглотил, только с лица побурел. Поди, и не себя он теперь жалеет, а того, кто себя потерял, — на убогое солдатское добро позарился. Ведь вот этакая-то вещь более всего и пронзает...

Не спит Брудастый, поворачивается. А над ним будто темное крыло ходит, слова острые навевают:

— Что, солдат, сам себя накаливаешь? Кто тебе чехол на балалайку ко дню Ангела сшил? Антошка. Кто на маневрах, как ты притомился, винтовку твою на себе пер? Антошка... А он ведь и сам, как лучинка... Кто за тебя, темного, письма домой пишет, обалдуй ты безграмотный? Кого ограбил?.. Антошка простит-стерпит, да тебе же еще штаны задарма залатает, — а что же ты мамашу его хлеба к празднику лишил? Что ж я с тобой делать буду, ежовая твоя голова? Хоть бы откомандировали к другому, — тошно мне с тобой, нет никакой возможности...

Скрипнул Брудастый зубом. И не спит будто, — откуда ж голос такой занозистый.

— Вставай, вставай... Чего кряхтишь-то, как святой в бане... Умел в яму лезть, умей и выкарабкиваться.

Не видно пылинки, а глаза выедаёт... Терпел он, терпел, однако ж не чугунный, — долго ли вытерпишь. Видит, дневальный, к нему спиной повернувшись, сам с собой в шашки за столиком играет. Скочил солдат на пол. По-за койками в угол пробрался, десятку из-под половицы выудил, да тихим маневром, подобравшись к Антошиной койке, под подушку ему и сунул.

Сразу ему полегчало, будто чирый, братцы, вскрыл. Завел он глаза, одеяльце на макушку натянул. Только уснул, — ан и во сне хвостик-то остался:

"Деньги-то я, — думает, — отдал, а надо будет утром Антошке по всей форме спокаяться. Срам перед ним приму, - он добрый, ничего... А то уж больно дешево отделался: украл, — воробей не видал, назад сунул, — будто наземь сплюнул..."

Только подумал, а перед ним будто его брат родной, только с крылами да в широкой одежде, как небесному воину полагается... Топнул он на Брудастого ножкой:

— И думать не смей!.. Очень Антошке твое покаяние нужно. Только смутишь его, тихого, занапрасно... Я тебе форменно воспрещаю.

Оробел Брудастый, в струнку вытянулся:

— Да как же так?.. Хоть наказание какое на меня для легкости души наложите...

— А ты без покаяния походи, вот это тебе настоящее наказание и будет.

Задумался тут чернявый Ангелок и начальственно прибавляет:

— Да еще, ежели пострадать хочешь, — воспрещаю я тебе с этого часа солдатскими словами ругаться. Понял?

Смутился тут Брудастый совсем, спрашивает своего Ангела:

— На время или окончательно воспрещаете?

— Окончательно. Ведь вот же Антоша не выражается. Стало быть, можно...

— Да ему ж без надобности... Вздохом из него всякая досада выходит. А обнаковенному солдату, посудите сами. Скажем, я винтовку чищу. Паклю на шомпол навертел, смазкой пропитал, в дуло сгоряча загнал, — а назад шомпол-то и не лезет... Как тут, Ваше Светлородие, не загнуть? Дверь рывком дернешь, — и то она рипит, а солдат...

— Это до меня не касаемо. Наворачивай паклю в пропорцию, вот и не заест... А будешь рассуждать, я тебя и курева лишу. Вдохнул тут Брудастый, на голенища свои покосился.

— Ладно. Попробую... Только, в случае чего, ежели осечку дам, — уж вы того, не прогневайтесь.

Улыбнулся Ангел. "Ничего, — говорит, — главное, чтобы прицел был правильный, а осечку Бог простит".

Так-то оно, братцы, все и обошлось. Антошке — возврат имущества, Брудастому — эпитимья, шестой роте — ни суда, ни позора, Ангелам-Хранителям — беспечный покой.

<1932>

